

Последний аккорд или о том, для чего же мы всё-таки живём

(Отрывок из книги «Поезд отправляется»

www.literatur-viktor-prieb.de)

Следующее отправление или о том, почему место под солнцем

С этим приятным опытом Семья села в их, прибывший между тем, поезд. Поезд был совершенно пустой, и они заняли места в первом отделении у входа, чтобы при высадке им опять же не надо было далеко тащиться по узкому корридору с их чемоданами.

В этом отделении не было, в отличие от русских, хотя и в ГДР построенных вагонов, спальных мест. Не было также и двух верхних спальных полок с обеих сторон, вместо них лишь только узкие, решетчатые полки для багажа, а внизу по четыре сидячих места в ряд по обеим сторонам для пассажиров. Чемоданы были закинута на багажные полки. Семья уютно, как уже стало привычным, устроилась в этом отделении. Остатки еды были извлечены из сумки для вечера.

Поезд отправился.

Они как раз только что поели и мечтали об отдохновенном сне по двое на сидячих местах с каждой стороны, когда поезд сделал первую остановку в Потсдаме. В Потсдаме село столько народу, что поезд тут же набился битком, до отказа. В их отделение подсели две молодые матери с грудными детьми. Когда вошла первая, то Мать должна была пересест к дочерям на сиденье напротив. Когда вошла вторая, должен был и Отец пересест к своей семье напротив.

Проблематично стало, когда третья мать с ее дитем попыталась тоже подсест к ним. Она разволновалась и что-то громко требовала от Отца. Он не мог понять это распространившееся уже на всех трех матерей волнение, а тем более не хотел его разделять, пытался показывать себя очень дружелюбно и даже был готов сменить отделение в пользу вторгшихся.

Он пошел вдоль корридора, заглядывая через стеклянные двери, чтобы убедиться, можно ли где-то найти свободные места. Не было ни одного единственного, не говоря уже вовсе о четырех вместе, необходимых Семье. В отличие от Берлина, где им предоставлялся неограниченный выбор, поезд был теперь переполнен. Отец вернулся в свое отделение, пожал матерям напротив плечами с выражением: «Es tut mir leid»¹ и остался при своей семье.

Этот извинительный жест, однако, ни малейшим образом не удовлетворил и не успокоил подсевшую последней мать. Скорее наоборот – она все возбужденнее требовала от них то самое что-то. Почувствованное ими незадолго перед этим дыхание улыбающегося Запада быстро улетучивалось, и они снова чувствовали себя, как в родном советском «дурдоме», быть уже сбежавшими из которого они так надеялись. Они снова были в очереди среди хорошо знакомых, борющихся за кусок нормированной колбасы человеческих сестер и братьев.

¹ «Сожалею»

Ввиду этого, Отцу был также очень знаком метод поведения в таких ситуациях, и он каким-то образом сумел на своем немецком преподать чужой, разгневанной матери, что она должна сойти с этого поезда и подождать следующего, если она хочет для себя больше места. В ответ на это разгневанная третья исчезла на короткое время и появилась снова вместе с проводником.

– Das Abteil ist für die Fahrgäste mit Kindern!² – объяснил Отцу не очень-то мотивированный проводник, косясь в потолок.

– Вон оно в чем дело! – подумал Отец, который только после этого объяснения понял, почему все эти разгневанные матери так страстно желали занять именно их места.

– Откуда же – Черт побери! - мы должны были это знать, когда мы сели в Берлине, и к нашим услугам были все места в этом поезде. Тот же проводник не сказал нам ни слова об этом, когда проверял билеты после отправления, и когда поезд еще был совершенно пуст! – внутренне возмущался Отец этой идиотской ситуацией.

Для него речь шла уже больше не о сидячих местах, а, как и всегда, о справедливости. Однако же он не мог передать проводнику свои праведные мысли и чувства во всей их бушующей в нем неохватности, поэтому он ограничился коротким, но убедительным замечанием:

– Sie sind auch Kinder!³ – сказал он и показал на своих дочерей, которые снова нерешительно жалась в угол.

На это проводнику тоже нечем было крыть. Вероятно, сам об этом подумал, когда увидел их при проверке билетов, и поэтому ничего им не сказал. Он пробурчал что-то о возрасте дочерей, пожал матерям-претенденткам напротив плечами: «Nichts zu machen»⁴ и исчез с выражением на лице:

– Sehen sie selbst, da kann ich ihnen auch nicht weiter helfen.⁵

Трое матерей с их настолько маленькими детьми, что они, собственно, совершенно не нуждались никакого специального места и охотно предпочитали сидеть на материнских коленях, удовлетворились четырьмя местами и только бросали еще некоторое время враждебные взгляды Семье напротив.

Отец пытался эти два столь различных опыта, которые они пережили друг за другом в течение неполного часа, переварить и упорядочить. Ответ лежал не так уж далеко. Его бывшие сестры и братья из ГДР, которые были раньше, точно так же как и он, заперты и, вдруг, получили их свободу, реализовали теперь свои претензии на ФРГ и толпами валили на Запад.

При этом любые чужаки и внедренцы со стороны были нежелательны, как это было всегда у очередников по всем правилам их «очередного» искусства. Эти правила они учили же совместно в одной и той же школе коммунизма для очередников и в связи с этим могли очень хорошо понимать друг друга.

² «Это отделение для пассажиров с детьми.»

³ «Они тоже дети.»

⁴ «Ничего не поделаешь.»

⁵ « Видите сами, тут и я не могу вам больше помочь»

– Что человек понимает, то и не может его больше обижать! – говорил всегда еще ищущий во всем понимая Отец и удовлетворился найденным объяснением бывшего происшествия.

Только с философской точки зрения оставалась у Отца горечь. Для него это было его личное, частное предприятие, как когда-то для его прапрадеда, который покинул свою Родину Вюртемберг и переселился в Россию. Он хотел найти свое место под солнцем, поскольку в его земле стало тесно, и он не хотел биться со своими ближними за эту тесноту.

Где-то в мире есть же всегда еще достаточно места – Человек должен только его искать, туда идти и пытаться его найти! Самое последнее, что может случиться Человеку – это биться друг с другом за крошку хлеба или за сидячее местечко! Это было ниже всякого человеческого достоинства и вовсе не подходило к масштабам, которые поставил Отец в своем предприятии.

Он с Семей бежал всего лишь с двумя чемоданами, лишь с самыми необходимыми вещами, но при этом у него за хребтом был гораздо больший багаж. Он смотрел на это как на конец начатого еще Прапрадедом путешествия. Он должен был подвести черту под этим длинным, потребовавшим столько жертв и заведшим Семейю в тупик приключением и привести домой немногих выживших.

Позади него лежал временной путь почти в двести лет и пространственный путь более чем в шесть тысяч километров из Сибири в Германию. Если в конце такого пути видишь эти братские, до боли знакомые лица, то, конечно, спросишь себя, не был ли этот длинный путь совершенно напрасен!

И этот вопрос был очень горьким. Немного помогало при этом понимание того, что это связано не с тысячами километров – между перронами в Берлине и Потсдаме лежало же расстояние не более, чем тридцать-сорок километров и по времени всего лишь полчаса езды поездом – а с тем, что это все еще оставалась та же самая советская империя, и что путь вон из нее все еще не преодолен.

Братьям из ГДР было гораздо легче, чем Семейю попасть на Запад. Они не должны были даже упаковывать их два чемодана, два портфеля типа «дипломат» и одну сумку с едой для всех в дорогу – они оказались в ФРГ вместе со своими панельными домами, владениями и добром, даже не подняв своей задницы. Откуда же могут они тогда понять это владеющее Отцом чувство и его высшую и тяжело вымученную и выученную философию, которые помогали ему понимать масштаб различия между этим не особо даже нехватаящим сидячим местом в поезде и значением самого этого путешествия поездом.

*

*На следу или о том, как выспаться четверым на одной полке при
злопамятном проводнике и прочей необычности ночи*

Поезд катился теперь по самым последним километрах этого уже умирающего коммунистического рейха, чьи самые западные дали тоже уже поглотила темная ночь, в то время когда там, на востоке, где родился Отец, уже занимался новый день.

Где-то здесь должно лежать местечко Бреттин – одно из мест боев его Отца, в котором он, перемещаясь с юга на север ставшего таким чертовски узким

Третьего рейха, должен был пытаться спасти Берлин и с ним весь Германский рейх. Так переименовывались теперь их пути, и здесь, на следу своего Отца, его охватило, вдруг, чувство унюхавшей что-то собаки-ищейки. Это отвлекло Отца и способствовало в конечном итоге тому, что его радость расставания с коммунистическим рейхом-победителем стала совершенной.

Усталые дочери могли, наконец, немного поспать. Мать плотно прислонилась к очень экономно сидящему в углу Отцу, старшая дочь положила голову ей на колени и высоко подтянула свои длинные ноги, так что младшая и гораздо более маленькая дочь получила тоже немного места за ногами сестры.

После каждой остановки проводник маршировал в отделение, включал свет и громко спрашивал:

– Ist jemand noch zugestiegen?⁶.

Отцу и без хорошего немецкого было ясно, что он просит проездные билеты. Отец проявлял большую готовность к сотрудничеству и всякий раз показывал ему их советские, скрепленные в две толстых тетрадки, проездные билеты.

Несмотря на свою готовность кооперировать, Отец все же удивлялся тому, что этот их из-за спора о местах хорошо уже знающий проводник был настолько тупым или может быть злопамятным, чтобы всякий раз снова и снова контролировать их билеты и тем самым нарушать и без того неудобный и беспокойный сон его семьи.

Отец не спал вовсе, так охвачен он был своими, становящимися все более сюрреалистичными чувствами: глубоко в Германии, в этом непривычном немецком поезде, который мчался сквозь кратчайшую ночь года, шипел, как змея, и даже не стучал колесами.

Он сидел внутри, заглохенный этой змеей, все еще не зная точно, что должно случиться через пару часов – все это было слишком возбуждающим, чтобы спать, и слишком удивительным, чтобы восприниматься как реальность.

Он осторожно освободился от давления тел своей семьи, вышел из отделения в коридор, высунул из окна наружу свою впервые в жизни бесполезную ему голову и закурил. Время от времени он видел некоторые спешащие мимо них огни лежащих вдоль железной дороги селений. Свет жизни – некой совершенно незнакомой ему жизни!

*

*Конец Первой германской империи или
воспоминание о неизвестном и о возрасте
людей и государств*

...Тогда, когда он покидал эту страну, почти не было еще света и уж вовсе никаких поездов. Между огнями лежали часы и дни пеших или конных маршей, главным образом с ранцем и ружьем за плечами.

И все маршировало навстречу своему концу. С кровью завоеванная им еще как варваром и затем выстроенная в течение почти тысячи лет труда, боев и усердия Римская Империя Немецкой Нации⁷ рушилась под натиском Французской революции и новых времен!

⁶ «Подсел еще кто-нибудь?»

⁷ *Das Römische Reich der Deutschen Nation* – название первой Германской империи

Революции, в которой участвовал один из лотарингцев, чтобы потом, разочарованный вызванными его творением потоками крови, сбежать в Россию и там, на Юге России, породниться с одним из бежавших от его революции вюртембергцев.

Отец, как один из второго поколения потомков этого породнения, был намерен и должен был теперь снова замкнуть этот разорванный немцами, французами, русскими, лотарингцами, вюртембергцами, а также историческими несуразницами и личными случайностями круговорот истории. Что хватит, то хватит!

Неполные двести лет прошли с тех пор, две новых германских империи возникли между тем, каждая натворила свое и из-за того натворенного отжила свое; две новых, уничтоживших как старые, так и новые империи, а заодно как старые, так и новые судьбы революции – одна в России и одна в Германии, а также две новые войны между Россией и Германией сделали свое дело, пока *он* вернулся назад.

Германия – две части которой были всего на два года старше Отца, а сама она объединенная как раз только зарождалась на его глазах – была теперь уже не та Германия, что *он* знал. Долгое, слишком долгое путешествие. *Он* возвращался из этого двухсотлетнего путешествия очень старым и очень усталым *домой*, но все же и с чувством облегчения, как и каждый человек после каждого своего путешествия, что и это, наконец, завершилось...

*

*Состояние полета в прыжке с бездонного обрыва или
немного о сюрреализме и прочих реализмах*

Между тем, все снаружи сказочно рассветилось утренней зарей. Отец мог теперь разглядеть за окном живописные ландшафты. Он слышал также щебетание становящихся все громче птиц. Это были те самые птицы, которые во все столетия и повсюду, на тысячах километрах, безгранично щебетали вокруг. Утренняя заря сделала все гораздо более красивым и доверительным.

Отец многое повидал в своей жизни и многое при этом пережил. Один с рюкзаком и бензопилой за плечами ездил он на свой Север как квартирмейстер для своей подъезжающей позже бригады – на сотни километров от дома в никуда. Эта короткая, напряженная и жесткая реальность была совершенно нереальна для его нормальной, научно-интеллектуальной, реальной жизни и требовала от него полного переключения реальностей, чтобы справиться со всем ожидающим его там.

Его импровизированные поездки через весь СССР – просто так, от сомнения и растрепанных чувств, при которых он тоже не знал, где проведет следующую ночь. Как тогда Томск-Новосибирск-Омск-Москва-Киев и назад – десять дней в поездах и вокзалах, среди тысяч человеческих лиц и человеческих историй. Множество стихов, наблюдений и опыта привез он с собой из этого бегства от самого себя. Это путешествие вдохновлялось и сопровождалось его сюрреалистическими, выплевывающими стихи чувствами. Тем не менее, оно было до отчаяния реальным.

Его трехдневная, добровольная поездка в командировку в поисках партнеров по коалиции для своих научно-исследовательских проектов туда, к коллегам в Ереван, и обратно через весь Кавказ, потрясенный землетрясением

и уже горящий в огне войны за Нагорный Карабах между христианской Арменией и ее мусульманским соседом и советским собратом Азербайджаном.

Это была сумасшедшая поездка в медленно и тяжело извивающемся между фантастическими, вздымающимися к небу и коронованными снежными шапками горами, грязном и вонючем поезде с засорившимися туалетами, день и ночь пьянствующими и пьяными пассажирами всех сортов – многие в советской униформе, в которую были обмундированы обе воюющие стороны. Это было ни реально, ни сюрреально. Это было подобно бреду!

Ничего из того не было похоже на его чувства и переживания в этом поезде и на этом пути. Он был не только на шесть тысяч километров отдален от своей сибирской тюремной родины – луна здесь могла впечатлить его тоже не больше, чем там, в северно-сибирской тундре. Он сиганул через и за все запреты, через все границы и железные занавесы!

Малышу удалось, наконец, заглянуть за горизонт на краю Света и прыгнуть за него. В этом прыжке-полете он и находился теперь, еще не понимая отчетливо, что вокруг него происходит и где он приземлится.

И на этот раз не было рядом никого из тех времен – ни Отца, ни Матери, которые всегда помогали ему и сами пытались уже раз совершить такой прыжок – ни его верного друга Арапа, который понял тогда его чувства, разделил их и дал так необходимую ему поддержку...
